

Средний *В. С. Найпол*
Карибское путешествие *путь*

Paulsen

МОСКВА 2008

Их ценили только за состояния, которые они сколотили, а их общество так и не обрело права называться благородным. Там были великолепие и роскошь, были преступления и ужасы, мятежи и резня. Была романтика – но романтика пиратов и разбойников. Присущая жизни благодать редко проявляет себя в таких условиях. В Вест-Индии не были ни одного святого со времен Лас Касаса¹, ни одного героя, если, конечно, из «негрофильского» энтузиазма не считать героем Туссена². Там нет людей в истинном смысле слова, людей с характером и самостоятельной целью.

Джеймс Энтони Фроуд
«Англичанин в Вест-Индии» (1887)

В карете со мной ехали несколько джентльменов, офицеры, разъезжавшие по своим полкам, плантаторы, заезжавшие по делам домой, юные спортсмены, с винтовками и патронташами отправившиеся подстрелить аллигатора, и иже с ними. Все, как и я, направлялись на почтовый пароход в Вест-Индию. Пассажиры постарше толковали о сахаре, богатстве и о разорении островов.

Джеймс Энтони Фроуд. *Англичанин в Вест-Индии (1887)*

На платформе вокзала Ватерлоо, около поезда, расписание которого было согласовано с расписанием пароходов, собралась такая толпа явных мигрантов из Вест-Индии, что я порадовался, что еду первым классом. Мой первый класс был не из дорогих. Девяносто четыре фунта, которые могли бы подарить мне разве что койку на французском корабле, добыли мне целую каюту на испанском судне для мигрантов «Франсиско Бобадилья».

Большинство толпившихся на платформе и севших в поезд вышли раньше Саутгемптона⁴, но мое купе так и осталось переполненным. Человек с прической Ната Кинг Кола⁵ качал на руках толстого младенца в чепчике, красиво упакованного в ленты и рюшки, с резиновой соской, которая – в довершение композиции – торчала кляпом в его слюнявом рту. Две дамы в фетровых шляпах и розовых чулках жались к окну. Они были в прозрачных платьях из какой-то ткани вроде газа, надетых на ярко-розовое шелковое белье. Пудра кусками обваливалась с их лиц, большие лоснящиеся руки мяли крохотные вышитые платочки. Они выглядели скованными и несчастными. На полках и на полу стояли корзины с вещами и детской едой.

Мужчина с младенцем разговаривал с пассажиром напротив о трудностях жизни в Лондоне.

«Прям как Сторк по телеку, – говорил он. – Трое из пяти гвоздя от пальца не отличат. Да им наплевать, плевать им, чё там с тобой станет!»

Он говорил медленно и небрежно. Сплюснутые дамы смотрели в окно. Толстощекий глазастый младенец пускал слюни. По обе стороны железнодорожного каньона катился мимо Лондон: грязные зады домов, красные крыши автобусов, яркие новые рекламные плакаты, вывески магазинчиков, рабочие в белых комбинезонах на стремянках – картины, которые уже кажутся воспоминаниями, земля обетованная, с которой нас уже разлучили, а поезд – лишь один из уличных шумов.

«Эх, прораба я те сказал, нет?» Он не стеснялся: поезд – не Англия. «Вот он грит: «Черный, подь сюда. На минуту». Я на него так глянул: «Хорошо. Иду». Ну подошел и дал ему – *бац!* Прямо в глаз». Он не делал жестов. Он качал младенца на коленях.

В детской корзинке лежали вещи из Англии – несколько минут назад самые обычные вещи, теперь они стали сувенирами путешественника: пластиковая бутылочка фирмы «Лукозэйд», (в Вест-Индии это была бы маленькая бутылка из-под рома), банка с детской присыпкой.

«Бац! Прямо в глаз».

Высокий пожилой контролер широко раздвинул дверь купе. На этом поезде он был иностранцем, но держался совершенно естественно – точно так же он мог бы держаться на поезде в Брайтон.

«Слава богу, разводного ключа у меня не случилось. Я б тут не ехал на поезде. С пацаном вот на ручках не ехал бы!» Контролер прокомпостировал билеты и плотно задвинул дверь.

Из соседнего купе вышел высокий нескладный негр. Мешковатые штаны из тонкой ткани подчеркивали непропорционально длинные бедра. У него были толстые широкие и до того квадратные плечи, что он выглядел сутулым, и это делало его хрупким на вид. Светло-серый пиджак был длинным и свободным, как короткое пальто; желтая рубашка – грязной, потрепанный воротник расстегнут, галстук завязан криво и свободно. Он подошел к окну, открыл отверстие для вентиляции, протолкнулся в него, чуть повернулся влево и сплюнул. У него было гротескное лицо. Казалось, ему хорошенько вмазали по одной щеке.

Один глаз заплыл, губы вздулись кольцеобразным наростом, огромный нос свернут набок. Когда он медленно открывал рот для плевок, лицо становилось еще безобразнее. Негр плевался – медленными редкими плевками, а когда он ввинтил голову обратно в поезд, его глаза встретились с моими.

Я почувствовал, что вызывал у него неприязнь. Ис этого момента я не мог избежать негра с разбитым лицом. Я пошел в туалет. Наши глаза встретились – дважды. Я отправился искать вагон-ресторан. Наткнулся на него. Вагона-ресторана не было. На пути обратно мы снова встретились. Рядом с ним сидел другой негр гораздо меньших размеров, тоже в сером пальто, с большими, пустыми глазами, тусклыми как вареные яйца, с длинными руками и длинными, нелепо стиснутыми ладонями, которые он держал на коленях. Брюки были ему коротки, на несколько дюймов не доходили до носков, так что он был похож на мальчика, выросшего из одежды. Рот у него был открыт. В том же купе ехал еще один негр борцовского телосложения и двое молодых белых: один толстый, один тонкий, оба лысые, в новых спортивных куртках и отутюженных фланелевых брюках.

В моем купе кормили младенца. У младенца текло из носа, рот сочился слюной, он причмокивал, хлюпал и часто рыгал.

«Квартплату? – спрашивал тот, кто кормил младенца. – А я те говорю, и так много. Больше, чем раньше, не стану платить. Он грит, черный, грит, щас я поднимаюсь и получаю свою квартплату, или я тебя выкидываю с комнаты. Я грю: «Хорошо. Поднимайся, *бакра*⁶». Ну поднялся, я ему как дам, бац! Он по ступенькам – бам-бам-бам! Я там мимо проходил на той неделе смотрю, висит объява, зелеными буквами: «Не для цветных». Зелеными. Я те грю, парень, прям как Сторк».

В Саутгемптоне пассажиры еще больше поредели. Человек с прической в стиле Ната Кинг Кола только провозжал жену и ребенка, а сам оставался здесь один на один со злобными домохозяевами, прорабами и табличками «Не для цветных».

Нас направили в не самую роскошную комнату ожи-

дания океанского терминала, рядом с вагонным депо, в мрачных отсеках которого мы видели мигрантов, прибывших сегодня утром на «Франсиско Бобадилья»: пестрая плотная масса толпилась за деревянными ограждениями так тихо, словно стояла за стеклом. Мы стояли у дверей и смотрели. Никто не пересек порог пассажирской комнаты ожидания, отделявший нас от иммигрантов. Пристальные взгляды, оценивающие вновь прибывших, выражали любопытство и неодобрение, жалость и насмешку, морщинистые руки как будто ощупывали одежду, в которой не так давно мои спутники сами прибыли сюда: тонкие белые фланелевые брюки, небесно-голубые тропические костюмы, долгополые пиджаки с широкими плечами и те широкополые фетровые шляпы, которые совершенно неизвестны в Вест-Индии, но зато *de rigueur*⁷ для иммигрантов из Вест-Индии в Великобританию. На дешевых фанерных чемоданах значился полный адрес, всегда заканчивавшийся крупно написанным словом АНГЛИЯ. Они неподвижно стояли в темноте, вокруг суетились носильщики в темных пальто и железнодорожные чиновники, и была тишина.

Негр с разбитым лицом, высокий, похожий на тотем, стоял посреди комнаты ожидания. Рядом стоял низкий негр в коротких штанах, с длинными руками и большими глазами; время от времени он поворачивал голову, выражение глаз у него никогда не менялось, рот был открыт, большие неуклюжие руки сложены на груди. Толстый англичанин дал сигарету человеку с разбитым лицом и зажег ее. Это было сделано очень заботливо, и я задумался, что у них могут быть за отношения.

Пока что мы стояли подавленные, такие же тихие, как мигранты за ограждениями. Но уже пошел шепоток, разносящий слухи. Семьсот, тысяча, тысяча двести мигрантов прибыли на «Франсиско Бобадилья». Два поезда повезут их в Лондон, а оттуда они разъедутся по адресам, которые с такой гордостью вывели на чемоданах их руки, непривычные к письму.

«Вам вряд ли захочется ехать со всеми этими вест-индцами, – сказали мне в агентстве. – Даже докеры тошнит,

когда они спускаются с этих кораблей. А чтобы затошнило нашего британского докера – это нужно постараться».

«Франсиско Бобадилья» и в самом деле находился в ужасающем состоянии. У команды не было времени прибрать за семьями мигрантами. Краска облупилась, железо начало ржаветь. В каюте первого класса, такой тесной, что я мог открыть чемодан, только сидя на койке, повсюду комья пыли. Графин зарос грязью, горячая вода не текла, свет не включался. Я вызвал стюарда, и когда спустя изрядное количество времени он появился – старый, усталый человек, – я пожалел, что побеспокоил его. Я сказал ему только о свете и пыли. Он стал возражать, я настаивал, пришлось упомянуть и о горячей воде.

«Luego, luego»⁸, – сказал он.

Это слово оказалось более резвым, чем *mañana*⁹. Когда через некоторое время я проходил мимо его каморки, то увидел, что он дремлет на стуле.

Но в этом были свои плюсы. На этом внешнем рейде пассажиров было немного, и большинство тех, кто выстроился вдоль палубных ограждений, пока мы двигались вниз по Соленту¹⁰, плыли вторым классом. Когда звучал гонг, они исчезали в своей столовой внизу. Пассажиров первого класса было всего девять, и мы расселись за тремя столами в углу большой ободранной залы.

Усаживаясь, пожилой цветной мужчина заметил, просто чтобы начать разговор:

«Знаете, а многие эти черные парни на Тобаго чертовски умны».

Мы были в Вест-Индии. Слово «черный» имело точный смысл: я был среди людей, у которых глаз был наметан на все оттенки черного. И пожилому мужчине, цветному, то есть смешанных европейско-африканских кровей, с чертами и цветом кожи, приближающимися к европейским, ничего не грозило. Черных за столом не было. Жена цветного мужчины, сообщили нам, была испанкой, Коррея был португальцем из Британской Гвианы, а Филипп, происшедший из Тринидада, где у него был «маленький бизнес», мог вполне быть и белым, и португальцем, и цветным, и евреем.

«И многие черные парни из Б.Г.¹¹ тоже не дураки», – сказал Коррея.

Получил свою оценку и ум черных парней из Тринидада, с Ямайки и Барбадоса; а затем все занялись поисками общих знакомых. Выяснилось, что таковые были у Корреи и Филиппа в одной футбольной команде, проехавшей с турне по Вест-Индии в 1920-х.

Коррея был маленьким лысым человеком. Он носил очки, имел острый крючковатый нос и потерял все зубы. Но когда-то он был голкипером. Голос у него был громкоподобный.

«Помнишь Скиппи?» – спросил он.

«Не помню, когда я последний раз видал Скиппи», – ответил Филипп.

«Ну, больше не увидишь. Схватил плеврит, сукин сын, и помер. Франки, и Берти, и Рой Уильямс. Все дали дуба, сукины дети!»

Официант, немолодой и печальный, не умел говорить по-английски.

«Нет, ты на это посмотри, а, – захохотал Коррея, – и я четырнадцать дней должен торчать на этом пароходе. Эй, ты, слушай, парень, слушай. Хочу помидоров. Понял? Помидоров. Проблемы у меня с брюхом, – объяснил он нам. – Понял? Моя. Хотеть. Помидоры. Моя хотеть помидоры. Прямо не знаю, где они берут людей, которые не петрят по-английски».

Испанская леди не говорила по-испански, Коррея сам не говорил по-португальски. Вест-индцы говорят только по-английски и при встрече с иностранцами демонстрируют то же языковое высокомерие, что и все англоговорящие.

За соседним столом сидели молодая пара из Северной Ирландии и английская библиотекарша. Библиотекарша была расстроена. Она считала, что «Франсиско Бобадилья» – это круизный лайнер, и заказала билеты в оба конца. Только сейчас она узнала, что мы направляемся в Вест-Индию, чтобы забрать еще семьсот мигрантов.

Когда я спустился вниз, я увидел старого стюарда, выходящего из моей каюты с веником и совком. Он улыбнулся и заковылял прочь. Но пол оставался пыльным, графин

оставался мутным, комья пыли по-прежнему лежали под койкой, горячая вода так и не текла. Однако пожаловаться я не мог: свет работал.

Рано утром на следующий день меня разбудил Коррея. Его каюта была через коридор. Он явился ко мне голым по пояс. Он пришел без очков, маленькое лицо выглядело изможденным, пробивалась щетина, редкие волосы были в беспорядке. Он обхватил себя руками.

«Ну, здорово, парень. Выспался? Дай-ка сигарету, а». Он взял из пачки сигарету и закурил. «У тебя такой вид, будто ты выспался, черт меня побери. А у меня, парень, была та еще ночка. Не хотел тебя раньше будить. Думал, дрыхнешь. Я, вишь, чемодан свой не могу открыть! Тот, где пижама, мыло, бритва, «Эно» и всякое такое. Не хочешь попробовать?»

Холщовый чемодан был набит битком. Чудо, что Коррее удалось его закрыть.

«Я всеми этими чертовыми ключами по сто раз уже поковырял», – говорил он, сидя на койке, пока я возился с чемоданом.

Наконец мы его открыли – Коррея прыгал на чемодане, а я поворачивал ключ.

«Спасибо, старик, спасибо. Эх, парень, надеюсь, у меня не началась простуда. У тебя часом нету капли «Эно» или «Эндрю»? Живот меня просто достал. Это все их проклятый завтрак тасана. Ну, испанский корабль, это ты меня в первый и последний раз заманил!»

И все утро он ходил взад-вперед перед туалетами, курил, голова – как в глубоких раздумьях – опущена, галстук ослаблен, очки – на середине носа, руки в карманах. И всякий раз, когда я сходил вниз, он сообщал мне «о ходе работ».

«Идет, идет, чувствую, уже на подходе».

К ленчу, вдобавок ко всем его бедам, его постигла морская болезнь.

Я сообщил об этом за столом.

«Он проснулся сегодня в пять, просил «Эно», – сказал Филипп.

Цветной джентльмен мистер Маккэй сказал: «С нами едут два сумасшедших. Черные парни. Я говорил с их сани-

тарами сегодня. Белые. Им дорогу в оба конца оплачивает британское правительство».

«Я видал, как они слоняются взад-вперед, – сказал Филипп, – ха-ха. И ведь всегда можно узнать людей, у которых профессия – держать других взаперти. Походка у них становится такая... Замечали, нет?»

«Ну вот, эти черные парни поехали в Англию и там портят воздух, – сказал мистер Маккэй. – В смысле, если черному приспичило сходить с ума, мог бы сидеть дома, там и с ума сходить».

Они разговорились о телефонной забастовке в Тринидаде, которая шла уже некоторое время. Мистер Маккэй сказал, что забастовка имела расовый характер. Он говорил об этом с чувством. Совершенно неожиданно он стал отождествлять себя с черными парнями. Он был человек в возрасте, но так и не поднялся до самого верха, его начальников всегда завозили из Англии.

«Все из-за португалов, если хотите знать, – сказал он, – Сами по локоть в вонючей соленой рыбе, а туда же! Первыми начинают: ниггер то, кули сё...»

«Думаю, на корабле есть список, – сказал Филипп, – пойдите и посмотрите на верхней палубе».

«Должен сказать, мне плевать на эти шлюпки. Если что, так все пойдем ко дну. Как только дойдем до Азор, я застрахую нас с миссис Маккэй от несчастного случая. Думаю, это можно на Азорах?»

«Но ты не знаешь языка, папуля», – сказала миссис Маккэй.

«А по-каковски они там говорят? Какой-то португалов патуа?»

«Что-то вроде того, – сказал Филипп. – Я вам могу помочь.»

«Вы что, знаете португало?»

«Мы на нем раньше дома говорили», – ответил Филипп.

Итак, Филипп был португальцем.

Мистер Маккэй погрузился в молчание. Он уткнулся взглядом в стоящее перед ним испанское блюдо и явно чувствовал себя неловко.

Филипп оживленно заговорил: «Тринидад этот прям как маленькая Америка. Все эти забастовки. Все эти налеты. Слыхали о парне, которого полиция сцапала с полным комодом капусты – восемьдесят три тыщи долларов?» Мистер Маккэй начал распространяться о страховке на Азорских островах. Остаток пути он обходил молчанием португальцев и иже с ними и говорил лишь о черных парнях. Это стесняло его манеру речи, но в Вест-Индии, как и в высших слоях общества, надо быть стопроцентно уверенным в компании, прежде чем открывать рот: никогда не знаешь, кто есть кто, а еще важнее – кто с кем знаком.

Было тепло. Пассажиры второго класса, которые, казалось, несколько дней были заперты на своих нижних палубах, стали появляться поодиночке и парами и греться на солнце. Вместе со своими санитарями вышли двое сумасшедших. Молодой баптист из Северной Англии, отправившийся в Вест-Индию с первой миссией, из чувства долга плыл вторым классом, читал толстые труды по теологии и делал там пометки. Негритянка лет восьмидесяти, в невероятно истрепанной одежде, с веселым любопытством бродила по палубе. Она уехала из Сент-Китса искать работу в Англии; ходил слух, что обратную дорогу ей оплачивает британское правительство.

Оттого, что пассажиров на корабле было немного, разделение на классы игнорировалось. Мясник из Британской Гвианы все утро и весь день ходил по палубе первого класса. Высокий красивый негр, который ни с кем не разговаривал, тоже ходил по нашей палубе, иногда по несколько часов подряд, с маленькой трубкой и «Десятью заповедями» – книжкой в бумажной обложке на основе фильма. По словам мистера Маккэя, у этого человека в Англии случилось какое-то умственное расстройство, и он попросил отправить его обратно за счет британского правительства.

Мы все внедрялись в общество пассажиров второго класса и возвращались с сюжетами.

Мисс Талл, библиотекарь, вернулась расстроенной. Она встретила женщину, которая уехала из Англии потому, что не смогла найти комнату для себя и своего ребенка.

«Домовладелец просто вышвырнул их, когда появился ребенок, – сказала мисс Талл. – И повесил большую надпись зеленой краской «Не для цветных». Вы что хотите сказать, что во всей Британии не нашлось места для одной женщины с ребенком?»

«Нашлось даже для слишком многих», – буркнул мистер Маккэй.

«Я этого не понимаю. Вам, вест-индцам, как будто совершенно все равно».

«Все эти разговоры о терпимости – это хорошо, – сказал мистер Маккэй. – Но вы, англичане, часто забываете, что бывают и такие черные, вот хоть ямайцы, которые ну просто животные».

«Но она не с Ямайки», – сказала мисс Талл, не оспаривая его тезис.

«Многие черные просто сами доводят британский народ», – сказал мистер Маккэй, завершая дискуссию. Как и положено вест-индцу, он не желал слышать ничего плохого об англичанах.

Сам же я встретился с толстым коричневым гренадцем лет тридцати трех. Он сказал, что у него десять детей в Гренаде, в разных церковных приходах и от разных женщин. Он уехал в Англию, чтобы быть от них всех подальше, но тут почувствовал, что обязан вернуться и выполнить свой долг. Он даже думает жениться. Он еще не решил, на ком, но, вероятно, это будет мать его последнего ребенка. Он любит этого ребенка; до остальных ему вообще дела нет. Я спросил, зачем тогда он стольких завел. Неужели в Гренаде нет контрацептивов? Он ответил с возмущением, что он римский католик, и в оставшееся время пути ни разу не заговорил со мною.

Из наших экспедиций во второй класс мы возвращались не только с историями, но и с пленниками. Пленником Корреи был юноша-индеец по имени Крипал Сингх из Британской Гвианы, который настолько очаровал всю нашу компанию, что был приглашен к чаю.

«Такой красавчик, – вновь и вновь повторяла миссис Маккэй. – Такой милый».

«Этот парень из одной из лучших семей в Б.Г., – ска-

зал Коррея. – Не слышали о них? Самые важные шишки в земельном бизнесе. Братья Сингх, старик. Сингх, Сингх, Сингх».

Крипал Сингх выглядел подобающе скромным, всем видом показывая, что Коррея говорит правду, но ему не пристало хвастаться. Он был высоким и стройным, с тонкими чертами и ртом изящным, как у девушки. Он курил нервно и элегантно.

«Расскажи-ка о своей семье, Крипал», – сказал Коррея.

Крипал с легким поклоном угостил всех сигаретами. Он был чуть-чуть пьян. Как и Коррея.

«Они ничего на земле не разводят, имейте в виду, – сказал Коррея, взяв сигарету. – Только продают и покупают. Скажи им, Крипал».

«Как это прекрасно», – сказала миссис Маккэй.

Остаток пути Крипал провел в первом классе, только спал и ел во втором. Там он не мог найти подходящих партнеров по выпивке, а каюту ему пришлось делить с мясником из Британской Гвианы, которого он терпеть не мог.

«Он с-сказал, что ездил в Англию в отпуск, – сказал Крипал, вернувшись к этой теме при виде мясника, который бегал туда-сюда по палубе. – И провел все с-семь недель, выпрашивая пособие».

Сам Крипал уехал в Англию учиться. Эта учеба в Англии одно из самых странных занятий вест-индской молодежи, в особенности преуспевающей. Учеба может продолжаться до начала среднего возраста. Крипал был глубоко погружен в учебу и в Англии, и на континенте, пока отец, обеспокоенный расходами, не призвал его обратно – заняться бизнесом и жениться. Путешествуя вторым классом, Крипал в последний раз расслаблялся за чужой счет; его учебе приходил конец.

Как-то утром, незадолго до того, как мы покинули Азорские острова, я застал Коррею в отличном настроении.

«Как это так, парень? Сукин ты сын, а? Даже не пикнул, что образованный человек. А давай-ка пойдем тяпнем, а?»

Коррее со мной повезло. У него начинался приступ морской болезни. У меня оказывались таблетки «Марцин». У

него разыгрывалась головная боль. У меня находились таблетки «Десприн». У него нарастала мозоль. У меня появлялись пластыри доктора Шоля. Когда ему хотелось выпить, а Крипала Сингха было не найти, он приходил ко мне. Пить с ним было небезопасно. Он пил быстро и напивался за несколько минут. И он редко бывал при деньгах, предпочитая «разобраться после».

«Я, вишь, здорово промыл себе кишечник сегодня с утра, – сказал он у бара. – С первого раза. – Это объясняло его приподнятое настроение. – Ты отличный писатель, парень. Да, парень. Видел я тебя возле почты на Азорах. Ты так быстро-быстро катал свои открытки, я даже прочесть не мог, чего ты писал».

К нам присоединился Филипп. Он читал у себя в каюте «Кама Капла»¹². Я подумал, что он имеет в виду что-то другое, но он сказал: «Эта индийская философия – великая вещь».

«Она действительно великая, – сказал Коррея, уже сильно пьяный. – Ты за что прежде всего возьмешься дома, Филипп?»

«Думаю первым делом заняться страховкой машины».

«А я собираюсь хорошенько себе кишечник промыть Солями Эпсона, парень».

У обоих, Корреи и Филиппа, были дочери замужем в Англии. Дочь Корреи вышла замуж не так давно, а Филипп только что был на свадьбе.

«Знаешь, как это – уехать от дочки, Найпол? – спросил Коррея. – Представляешь, что чувствуешь, когда она ревет в поезде? «Не уезжай, па»? Не знаешь ты, Найпол. «Не уезжай, па. Не оставляй меня». Одна-единственная дочь. – Он треснул ногами по нижней перекладине табурета и заплакал. – Не знает он, Филипп».

«Нет, старик. Не знает».

«Твоя где живет, Филипп? Моя в какой-то заднице, называется Дадли».

Филипп не отвечал. Он отошел от бара и вернулся несколько мгновений спустя с альбомом, на белой кожаной обложке которого было вытиснено: «Свадьба нашей дочери».

Филипп волновался о своей дочери, и теперь, узнавая в

его альбоме лица, одежду, всю обстановку рабочих окраин, я его понимал. То, что казалось столь желанным в Вест-Индии, в Англии предстает совсем иным.

Все в тот день, казалось, думали о детях. У супругов Маккэй в Англии остался сын. Мистер Маккэй совершил свое последнее путешествие; он никогда больше не увидит сына.

«Он перенимает разные английские привычки, – сказала миссис Маккэй с гордостью. – У него все теперь «долбаное» да «долбанутое». Я просто не в состоянии угнаться за его английским сленгом и акцентом».

Мистер Маккэй улыбнулся своим воспоминаниям.

Беглый преступник из Англии может встретить теплый прием у белого населения Тринидада, начать там свое дело. Вест-индец, который уважает только богатство да цвет кожи, в обществе, устроенном несколько более сложно, медленно пропадет.